

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии
А. Старикова

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Сразу после сотворения мира : роман / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-699-67044-4

Жизнь Алексея Плетнева в самый неподходящий момент сделала кульбит, «мертвую петлю», и он оказался в совершенно незнакомом месте — деревне Остров Тверской губернии! Его прежний мир рухнул, а новый еще нужно сотворить. Ведь миры не рождаются в одночасье!

У Элли в жизни все прекрасно, или почти все... Но странный человек, появившийся в деревне, где она проводит лето, привлекает ее, хотя ей вовсе не хочется им... интересоваться.

Убит старик егерь, сосед по деревне Остров, — кто его прикончил, зачем?.. Это самое спокойное место на свете! Ограблен дом других соседей. Имеет ли это отношение к убийству или нет? Кому угрожает по телефону странный человек Федор Еременко? Кто и почему убил его собаку?

Вся эта детективная история не имеет к Алексею Плетневу никакого отношения, и все же разбираться придется ему. Кто сказал, что миры не рождаются в одночасье?! Кажется, только так может начаться настоящая жизнь — сразу после сотворения нового мира...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-67044-4

© Устинова Т. В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

*Марине Каменевой, без которой
эта книга никогда не была бы написана*

— Но это факт?

— Нет, это не факт.

— Это не факт?!

— Нет, это не факт.

Это гораздо больше, чем факт. Так оно и было на самом деле.

Гр. Горин.

«Тот самый Мюнхгаузен»

В Анадыре в этот день вдруг повалил снег и пришла самая настоящая метель, вблизи острова Врангеля разгулявшиеся под вечер волны чуть не потопили рыболовецкое судно, на севере Британских островов сильно похолодало и начались дожди, и все это не имело никакого отношения к Тверской губернии.

Здесь всю жарило солнце, отцветали пионы и пыльные деревенские собаки спасались от зноя в зарослях лопухов. Собаки тяжело дышали, вывалив розовые языки, и ленились брехать на редкие машины. Машины были редки, потому что тоже ленились ехать.

Да и куда ехать по такой-то жаре, зачем?.. Милое дело — возиться под яблоней в трусах и панаме и мечтать о кружке холодного кваса, припрятанного с вечера в погребе.

А в погребе сейчас, должно быть, хорошо, прохладно, сыро!..

До деревни Долгие Бороды Плетнев доехал почти без приключений, пришлось всего пару раз остановиться, сунув перегретое автомобильное рыло в какие-то заросли на обочине.

— Ты ей подышать-то давай время от времени!.. — виновато наставлял Виктор Николаевич, всучивший ему машину. — Погоды такие стоят, что людям дышать нечем, не то что движкам!..

Плетнев глушил мотор, который затихал с таким хрипом, как будто и впрямь находился при последнем издыхании, вытаскивал себя из раскаленного жерла синтетического кресла, кряхтя, как чахоточный двигатель его доходяжной машины, выбирался наружу и некоторое время стоял, выжидая, когда по спине перестанет течь. Переставало не сразу.

Он выколупливал из двери пластмассовую бутылку, глотал почти горячую воду, проливавшуюся на шею, за воротник рубахи, утирался и оглядывался по сторонам.

Стороны были знойными, просторными, июльскими. Холмы до горизонта немного дрожали и плавись, как будто залитые жидким солнцем. Одуревшая от жары рыжая корова валялась на боку в кустах, лишь изредка вяло помахивая хвостом. Пчелы и те ленились летать, ни звука не было слышно вдоль узенькой пустынной шоссейки, лишь в моторе его машины что-то бурчало, как в пузе у ишака.

Пару раз ему доводилось ездить на ишаке, и в животе у того действительно бурчало!..

После деревни Долгие Бороды следовало повернуть направо, но оказалось, что поворачивать некуда — дороги нет, врет все продвинутый и умный навигатор, который его продвинутые и умные сотрудники называют «дивайс»!.. Ему все время казалось, что сотрудники врут тоже.

Пришлось ехать прямо, останавливаясь возле палисадников, где цветут желтые и белые лилии и еще какие-то совсем незнакомые ему огородные

цветы, а в домишках распахнуты оконца, и белые занавески отдувает горячий ветер, спрашивать, как проехать в деревню Остров, и получать совершенно противоречивые указания.

— Да ты че?! — весело удивился какой-то парень, возившийся с мопедом, когда Плетнев остановился примерно в третий раз. — С дуба рухнул?! Этот самый Остров вообще в другой стороне! Вот гляди! — Он поднялся с корточек, утер мокрый лоб, оставив на нем масляные разводы, и локтем показал куда-то вперед. — Сейчас как возьмешь за деревней направо, так через поля дуй напрямки. Там одна дорога налево пойдет, а вторая прямо, только ты забирай все время правее, мимо фермы брошенной, так и доедешь до Чилухи, но тебе ее надо переехать, а брод еще в прошлом году размыло, и ты тут налево заберешь до кривой березы, только не совсем налево, а так, слегонца, а потом через речку, и на той стороне деревня проглянется, только это еще не Остров, а Косая Пядь. Ты от нее тоже все время правей забирай, а там...

— И чего ты врешь, чего ты врешь, че не знаешь?! — закричали из-за штакетника сердито, и выскочила бабулька в ситцевых трусах до колен, зато по самые глаза повязанная платком по всем деревенским законам. В загорелой жилистой руке у нее болталось несколько морковок, видимо только что выдернутых. — Где же за Чилухой Остров, когда там вовсе Островцы! Ты меня слушай, я тебе точно скажу, сама с Острова, меня Петька-покойник отсюда замуж брал!..

— Да Островцы-то левее, а ему надо все вправо забирать!..

— Не надо ему забирать! Ты езжай сейчас, как ехал, до самой новой дороги. Нову-то дорогу в шестьдесят втором как открыли, так через поля никто не ездит!.. Нова дорога направо пойдет, и тебе туда. У самого сворота вывеска торчит со стрелкой, не промахнешься — магазин «Эльдорадо»! Ты езжай до самой «Дорады» этой, только ничего у них не бери, уж больно дорого дерут, а хлеб в Острове куда как лучше!.. Там дорожка ухабиста, но ничего, потихоньку-полегоньку прямо до Острова и докатишь. Тут недалече тебе осталось, километров тридцать!

— Да чего ты говоришь, баб Мань, когда по прямой тут всего пять или семь!

— По кривой! — передразнила бабка и взялась за взмыленного и злого Плетнева сухой и сильной рукой. Ладонь она сначала обтерла о свои невиданные штаны. — Ты меня слушай, я сама-то с Острова, а он в Твери родился, ничего тут не знает! А тебе, может, водички налить холодненькой? Или вот морковочки хочешь? Сахар, а не морковь!

Плетнев отказался и от водички, и от моркови, а заодно и от сахара. Ему очень хотелось доехать хоть куда-нибудь, уже можно и до Островцов, а не до Острова. День клонился к вечеру, и от солнца, валившего в поля, стало еще жарче. Воздух был неподвижным, раскаленным, красным от бивших прямо в глаза лучей, и доходяжная машина его замучила, и неработающий «дивайс», и собственная самоуверенная глупость — он был абсолютно уверен, что доедет легко и быстро, а получилось, что в дороге целый день, а еще до этой самой «Дорады», где втридорога дерут и хлеб плоховат, не добрался!..

— Далась тебе деревня эта! — утром сказал ему в Москве приятель Павлик и пожал льяняными пле-

чами просторной и прохладной летней рубахи. — Что ты там будешь делать, Алексей Александрович? Схимничать, трудничать и анахоретствовать?

Плетнев ответил, что хочет отдохнуть «от всего и от всех», в том числе и от Павлика, но мысль про «схимничанье» и «анахоретство» ему понравилась.

А что?.. Раз уж больше ничего не получается, будет схимником и анахоретом!

За магазином «Эльдорадо», возле которого толпились почти голые подростки с велосипедами и шерстяная коза с пучком клевера во рту — вся компания проводила глазами его машину, разом загоготала и заблеяла вслед, — дорога стала совсем плохая, «ухабиста», как выразилась бабуля в трусах. Он крутил руль, скосив глаза и изо всех сил стараясь не угодить колесом в яму, понимая, что ямы его машине не пережить, а ночевать в лесу не хотелось. Машина кряхтела, скрипела амортизаторами, приседала, хрюкала, но везла, и на том спасибо. Эти последние километры он ехал часа два. На посту — шлагбаум с будкой посреди леса — у него старательно и долго проверяли документы, должно быть, скучно целый день стеречь пустую дорогу, а тут Плетнев на своей тарантайке! Таким образом, Алексей Александрович прибыл в деревню, когда вечер уже наступил окончательно — зной спал, небо поголубело, собаки и старики вышли посидеть на лавочках, дачники покатались купаться. Их веселые, странно громкие голоса далеко раздавались по улице.

Плетнев никогда не заезжал с этой стороны и еще покружил по деревне, прежде чем нашел свой дом.

Этот?.. Или не этот?.. Нагнув голову, он немного поизучал дом из-за лобового стекла, прикидывая,

угадал или нет, потом заглушил мотор и выбрался из кресельного жерла. По спине текло в три ручья. Он даже представить себе не мог, что у него в спине столько воды!..

— Да что ж ты со мной делаешь, язви твою душу, лапочка моя!.. — закричал на него с другой стороны тихой и узкой улицы, заросшей жасмином и шиповником, жилистый, загорелый до черноты старикашка в белой майке и отвисших тренировочных штанах. Из рта у него торчала папироса. Он кричал, и папироса описывала круги. — Я тебя с утра дожидаясь, три раза на пост гонял, а ребята говорят — не было такой машины!.. А я чего, нанимался, что ли, по три раза на день за тобой гонять по такой жарнице, а?! Нет, ты мне ответь — нанимался?!

Плетнев, который поначалу ничего не понял ни про душу, ни про лапочку, вдруг сообразил, что старикашка, должно быть, Николай Степанович, сосед, присматривавший за домом.

Так его зовут или не так?.. Плетнев привычно посмотрел на телефон, который привычно вертел в руке, привычно ища в нем ответы на все вопросы, и обнаружил, что тот не работает. Связи нет.

Подвел «дивайс».

— Ты не гляди на него, чего на него без толку глядеть-то! — опять закричал старикашка и неожиданно быстро пошел через дорогу к Плетневу. — У нас связь раз в год по обещанию! Здоров! — Он сунул ему руку и тут же отдернул, Плетнев едва успел пожать. — Какого лешего ты с утра едешь?! У меня, глянь, дерево упало, вчера как ураган налетел, так и повалил, провода зацепило, а я три раза на пост гонял! У меня бензин не казенный, за просто так гонять, я мужикам сказал, чтоб к пяти приходили дере-

во пилить, а тебя все нет и нет, я опять на пост, язви его душу, а ребята говорят, не было такой машины!..

— Я с Новой Риги свернул и застрял! — Растерянный Плетнев, не привыкший, чтобы с ним так разговаривали, едва смог пробиться сквозь старикашкину скороговорку. — Там какую-то фуру поперек шоссе развернуло, и все переключило. Пробка стояла мертвая, и я решил в объезд, а как в объезд, не знаю.

— А, язви вас с вашими пробками! — Старикашка вынул изо рта папиросу, деловито плюнул на дорогу и сунул папиросу обратно. — Ну, идем, чего встал-то? Или ишшо не наездился?

Тут он затрясся от мелкого смеха, подбежал к невысокому серому заборчику, нашарил с другой стороны крючок, отомкнул и сделал движение рукой — давай, мол, давай, заходи уже!.. Плетнев постоял секунду, исподлобья глядя на дом, и зашел на участок.

Дом безмолвствовал.

...Как мы с тобой сживемся?.. И сживемся ли?.. Ты совсем чужой мне, и я тебе чужой, и меня никогда не тянуло «в глушь», и тебе было хорошо с прежним хозяином, а как будет с новым — непонятно, непонятно...

— Замок маленько заедает, подмазать бы надо, но ты уж теперь сам, лапочка моя, — без остановки говорил старикашка, налегая на дверь.

Ключ поворачивался туго, и старик наваливался щедушным тельцем изо всех сил. Плетнев поднялся на крыльцо, уперся ладонью, и ключ повернулся.

— Ишь ты! — удивился Николай Степанович. — Ну, тут все как было, так и осталось, потому я тебя провожать не стану. Или проводить?..

В доме было душно и сильно пахло нагретым деревом. Плотные шторы на окна задернуты все до единой, и от этого большая комната с висячей лампой и темными балками на потолке казалась пыльной и маленькой.

— Любанька прибиралась с неделю назад, когда ты объявил, что приехать хочешь, и с той поры окна не открывали. — Николай Степанович — так или не так?.. — не собиравшийся его провожать, тем не менее деловито вошел и стал одну за другой отдергивать шторы. Свет как будто падал в полумрак, и проявлялись детали, которых сначала не было видно.

Камин с чугунной решеткой, отделанный серым камнем, круглый обшарпанный стол на толстых слоновьих ногах, вокруг шесть тяжеловесных стульев с потемневшими резными спинками. Два кожаных кресла, изрядно потертых, на стене зеркало с потрескавшейся амальгамой, странно искажавшее изображение. Плетнев в одном углу зеркала получался вытянутый и длинный, а в другом — круглый и короткий. Буфет такой же тяжеловесный и темный, как и вся остальная мебель, одна дверца открыта. Старик на ходу прихлопнул ее, она словно подумала немного, а потом медленно и величественно распахнулась.

В таких домах непременно должны быть спрятаны клады, почему-то подумал Плетнев, не склонный ни к какой романтике.

— Ну, там, стало быть, ванная. Прохор Петрович, покойный, когда ванну провел, сказал, что больше ему и не надо ничего, жить можно. Уж больно себя соблюдал, в смысле чистоты. А как провел, так сразу и помер, упокой Господи душу грешную...

Плетнев мечтал только, чтоб старикашка убрался поскорее, ему хотелось вымыться — хоть немного соблюсти себя в смысле чистоты, — выпить вина или чаю, завалиться спать и ни о чем не думать, особенно о покойном Прохоре Петровиче, но не тут-то было.

— Насос исправно качает, хоть и не новый совсем, ты, лапочка моя, на него поглядывай, чтоб не залило и верхом не поперло, а то в прошлом году такой паводок был, что матушки родные!.. Там дверь на терраску, только ключа от нее нету уж лет десять как, так ты на щеколду запирай. Если чего, кричи, я подбегу. Только по делу кричи, а чтоб за просто так бегать я не нанимался!.. Яблоня-то, когда падала, провода зацепила, ветки-то я попилил, а ствол как лежал, так и лежит, недосуг мне...

Ухо Плетнева, настроенное на московскую жизненную волну, уловило только словосочетание «за просто так».

Ну да, конечно. «За просто так» ничего не делается, как это я сразу не догадался?..

— Сколько я вам должен, Николай Степанович, за ваши труды?..

Старик замолчал и глянул на Плетнева.

— За труды мои заплачено, — сказал он, пожалуй, с достоинством. — Ты мне каждый месяц деньги присылал, ни разу не обманул, я за домом смотрел, все честь по чести. Я и при покойнике смотрел!.. Он любил жизнь вольготную, спокойную и чтоб с удобствами. Ни огорода ему не надо, ни яблок, ничего!.. Ты, я гляжу, тоже человек умственный. — Плетнев усмехнулся. Он никогда не думал о себе как о «человеке умственном», да еще в некоем... уничижительном смысле. — Я свою работу делаю, ты мне за нее

платишь, так что в расчете мы, лапочка моя, язви твою душу!.. А если угостить захочешь, от угощения не откажусь!.. Угоститься никогда не вредно!..

Плетнев, ругая себя, что не догадался купить водки, вышел к машине, порывшись, достал из багажника почти горячую бутылку виски, упаковку испанского хамона и неувядающий белый батон в пакетике.

Николай Степанович — по крайней мере, старик на это имя откликнулся — подждал его на крыльце, «гостинцы» принял с удовольствием, а на хамон взглянул недоуменно и повертел туда-сюда.

— Ну, если чего не разберешься, кричи мне! Я всегда тут рядышком. Напротив. — Деловито сошел с крыльца, привычно закинул крючок на калитке и зашагал через дорогу.

Плетнев посмотрел ему вслед.

Какой-то мальчишка пролетел на велосипеде, затормозил так, что из-под заднего колеса взметнулась белая пыль, остановился, скособочил велосипед на одну сторону и прокричал бодро:

— Здравствуйте!

— Здравсти, — буркнул Плетнев, которому в эту секунду до смерти надоели все люди на свете, молодые и старые, и вознамерился зайти в дом.

— Вы теперь в доме дяди Прохора Петровича живете, да?

— Да, — подтвердил Плетнев, не оборачиваясь.

— Моя мама к нему убираться ходила, а теперь к вам будет ходить, да?

— Да, — сказал Плетнев уже из-за двери.

— А вы теперь всегда здесь будете жить, да?

— Мальчик, езжай отсюда, а?.. — попросил Плетнев. — Завтра поговорим.

Куда-то подевались ключи, которыми Николай... как его... Степанович тряс у него перед носом.

— Так я поеду, да?

— Да, да!

Куда же он их сунул? В двери нет, на подоконнике нет, на вешалке с пристроенным кое-как пыльным зимним треухом тоже нет. Покуда Плетнев тыкался туда-сюда в тесном тамбуре, перед его забором проплыли еще какие-то велосипедисты, вернее, велосипедистки, и тоже поздоровались громко и приветливо:

— Добрый вечер!

А-а-а, чтоб вас всех!..

Не найдя ключей, он захлопнул тяжелую створку — должно быть, покойный Прохор Петрович любил все тяжелое и основательное, — задвинул щеколду, как будто оставил за дверью весь окружающий мир.

Схимничать так схимничать. Анахоретствовать так анахоретствовать. Ну и что?..

Он обошел огромную квадратную комнату, распахивая окна, выходявшие на три стороны. Дверь «на терраску» Плетнев решил не открывать, опасаясь, что еще кто-нибудь из приветливых соседей полезет к нему с вопросами и приветствиями. Осмотр владений, упирившихся дальним краем в узенький ручей, вполне можно отложить до завтра.

Солнца в квадратной комнате, несмотря на вечер, было так много, как будто его плеснули из ведра. Плетнев еще походил — в зеркале отражалось нечто несусветное, то длинное, то круглое, — сел за стол и положил перед собой руки.

...Значит, вот как, да?.. Теперь, значит, так.